

Ключевые слова: символ, выдвигание, сцепление, повтор, анафора, эпифора, рамочная конструкция, обрамление, подхват (анадиплосис, anadiplosis), хиазм, полисиндетон, синтаксический параллелизм, микропараллелизм, макропараллелизм, символ.

Анотація

У даній статті розглядаються типи зчеплення, які є одним із способів висунення, і його функції, а також символ як один із способів вираження зчеплення в художньому тексті. Зчеплення виражається повтором символу, який висуває на перший план концептуальну інформацію і створює концептуальну картину певного художнього тексту. В якості одного з типів зчеплення розглядається символ, який представляє собою знак, що висуває на перший план концептуальну інформацію та репрезентує концептуальну картину певного художнього тексту. В статті наводяться приклади з художніх творів.

Ключові слова: символ, висунення, зчеплення, повтор, анафора, епіфора, рамкова конструкція, обрамлення, підхоплення (анадиплосіс, anadiplosis), хиазм, полісиндетон, синтаксичний паралелізм, мікропаралелізм, макропаралелізм, символ.

Summary

In the given article types of coupling, its functions and symbol as a way of representing coupling in the fictional text are analysed. Coupling is represented by symbol, which puts forward conceptual information and represents conceptual picture of certain fictional text. The article is illustrated with examples from fictional text.

Keywords: symbol, foregrounding, coupling, anaphora, framing, anadiplosis, chiasm, syntactical parallelism, microparallelism, macroparallelism, symbol

УДК 81'367.4

Филатова Е. В.,
кандидат филологических наук,
Донецкий институт
туристического бизнеса

СИНТАГМА В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Вопрос об исходной единице построения речи до настоящего времени остаётся открытым. В качестве таких единиц называют слово, словосочетание и предложение. Дескать, из слов строятся предложения (распространённое мнение), а из предложений – тексты [1, 17]. Согласно иной точке зрения предложения строятся из слов и словосочетаний [2, 231].

Однако целесообразно говорить не о поэтапном строительстве речевых структур, а именно о речепорождении как едином процессе. К тому же при живом, устном общении субъект речи, как и его слушатель, менее всего озабочены структурами предложений, высказываний и самого текста.

Выделение в тексте составных речевых единиц связано не с порождением речи, а структурированием письменных его результатов. Текст как речевая единица определяется не количеством простых или сложных предложений, а смысловой, интонационной и структурной завершенностью, даже если он будет состоять из одного простого предложения (вспомним о существовании текстов лаконичного жанра: пословица, афоризм, парадокс, эпитафия и др.).

Мы уже убедились, что простые предложения имеют синтагматическую структуру: из синтагм они составляются и на основе этих же синтагм воспринимается их содержание [8, 15]. Сейчас обратимся к сложному предложению, чтобы выяснить, из каких именно речевых единиц оно составляется. Действительно ли в процессе речевой деятельности его структура и содержание образуются из простых предикативных единиц, как утверждают многие лингвисты на основании самого факта существования в сложном предложении нескольких простых предикативных единиц?

Таким образом, **цель** статьи – выяснить реальное порождение сложного предложения, то, которое соответствует процессу речевой деятельности.

Рассматриваемая проблема связана с теорией и практикой речи, а также с развитием всех видов речевой деятельности, что делает её **актуальной**.

Методологической основой нашей работы является мнение И. А. Бодуэна де Куртенэ о необходимости разграничения сфер языка и речи, языковых единиц и речевых, а также утверждение академика Л. В. Щербы о том, что исходной единицей речи является синтагма. Причём синтагма понимается нами так, как её интерпретировал Щерба в последние годы жизни, что нашло отражение в его записях и стенограммах последних выступлений.

Каждая синтагма характеризуется конкретным, ситуативным значением. Составляющие её слова лишь соотносятся с языковым значением, но при этом в значительной степени отличаются от него. В языке у них обобщающее значение, в речи – конкретное, ситуативное. Увидеть различия в значениях языковой и речевой единиц, можно, например, в следующем фрагменте речи:

– Ты вернёшься до собрания или после него? – **После**.

Ответная реплика (**После**) представлена одним словом, его позиция в вопросе указывает, что оно служебное слово. Это предлог, способствующий образованию предложно-падежной формы существительного или его эквивалента и передаче соответствующего грамматического значения. Но в ответе компонент **После** является самостоятельной синтагмой, выполняющей функцию неполного предложения с конкретным, ситуативным содержанием: **После** = Я вернусь после встречи. В данной ситуации это его реальное речевое значение. Естественно, ничего подобного в системе языка у него нет. Ни в одном словаре русского языка мы не найдём такого значения у слова *после*.

Давая характеристику процессу порождения речи и опираясь при этом на исследования Н. Хомского [11; 12], В. З. Демьянков утверждает: “Абсурдно считать, будто сначала выбирается костяк предложения (т.е. модель, структурная схема – Е. Ф.), который затем наполняется лексическим содержанием и т.д. То, как порождается предложение в грамматике, описывает общую **языковую компетенцию** (competence), а не “исполнение” (performance) речи. Поэтому о фазах, или этапах порождения речи можно говорить только условно, имея в виду возможность параллельной их реализации” [4, 2].

Высказывание категоричное, но убедительное: виртуальность и неестественность речепорождения, объясняемого на основе структурных схем,

распространяемых отдельными словами, очевидны для всех, кто пытается разобраться в реальных процессах и результатах речевой деятельности.

В. З. Демьянков констатирует: “Эксперименты показывают, что речь планируется и реализуется не последовательно, предложение за предложением, а как-то иначе” [4, 2]. Именно это “иначе” нас сейчас и интересует.

Объяснения сущности речепорождения, которые находим у современных лингвистов, не позволяют избавиться от сомнения, что нынешняя теория речи соответствует речевой практике народа и научной истине. Трудно согласиться с тем, что в основе речи лежит распространение тех или иных абстрактных структурных схем предложения, что речь формируется последовательно из слов и словосочетаний. Трудно согласиться уже хотя бы потому, что в устной речи предложение как структура вообще выпадает из сферы речевой деятельности и общение осуществляется на уровне минимальной речевой единицы – синтагмы. Причём одновременно с её появлением. Можно сказать, что при устном общении до предложения просто не доходит дело: речь порождается и воспринимается на уровне синтагм. Этим уровнем устное общение исчерпывается, тогда как письменная речь требует дополнительного оформления в виде предложений, высказываний (абзацев) и текста.

Нельзя разделить мнение и о том, что сложное предложение образуется в результате объединения в одно целое нескольких простых предикативных единиц как отдельных самостоятельных речепорождающих структур. Оно не соответствует речевой деятельности. Речь и все её составные части порождаются на основе минимальной (исходной) речевой единицы. Безусловно, структура сложного предложения представлена определённым количеством простых предикативных единиц, но это вовсе не значит, что именно из них оно непосредственно и составлено. Попытаемся разобраться в этом, обратившись к стихотворению Р. Ольшевского:

*Пока я видеть это небо буду,
И в море плавать, и топтать траву,
Не перестану удивляться чуду –
Случайной тайне той, что я – живу,
Что я причастен к птицам, пчёлам, людям,
И к облаку, и к дереву в селе,
И ко всему, что было и что будет,
Когда меня не станет на земле,
Что я за век свой, за своё мгновенье,
За жизнь свою земную – на лету
Почувствовал и радость, и сомненье,
И зависть, и восторг, и доброту.
Не перестану удивляться счастьем,
Что есть живое имя у меня,
Что я хожу, дышу, являюсь частью
Воды и камня, глины и огня,
Что я – песчинка, капелька над пеной –
Узнал законы, выучил слова,
По кругу плыл на мельнице Вселенной,
Пока меня не стёрли жернова,*

*Что вижу я звезду и слышу ветер,
Что шёл тропинкой между двух полей,
Что я участник, и ещё – свидетель
Всего, что в жизни маленькой моей,
Что в этом вихре, в этом мирозданье,
Где ни конец не ясен, ни исток,
Оставлю я горячее дыханье,
Как муравей, как птица, как цветок.*

Оно выбрано не случайно, так как весьма уместно в том отношении, что весь его текст состоит лишь из двух сложных предложений. Количество простых предикативных единиц в каждом из них однозначно определить нельзя. В зависимости от подхода и интерпретации статуса сказуемых, связанных сочинительной связью, в первом предложении их от 8 до 11, во втором же – от 11 до 18. Такая неопределённость количественного состава простых предикативных единиц лишь усиливает сомнения относительно их речеорганизующей функции. Если они являются единицами построения речи, то не странно ли, что лингвисты даже не в состоянии определить их точное количество, хотя якобы именно из них строят сложную структуру? Так что неясно, из чего и как строил автор стихотворение в процессе своей творческой речевой деятельности. Мы лишь видим, что получился текст, состоящий из двух сложных предложений, а повторяющийся союз *что* в начале каждой строфы передаёт не только изъяснительное грамматическое значение, но и присоединительное. Так что каждую строфу в нём, начинающуюся данным союзом, можно представить в виде отдельного сложного предложения.

Таким образом, количество предикативных единиц (простых и сложных) и границы между ними могут иметь в тексте варианты, которые не окажут никакого влияния на его содержание. Что же касается синтагматической структуры предложений, то она, будучи представленной автором в его устной речи, моновариантна. Интонационно в устной речи нельзя передать даже двух вариантов синтагматического членения. Авторское чтение текста позволяет однозначно определиться с его синтагматикой и содержанием. Опираясь на чтение стихотворения самим поэтом, отразим авторскую синтагматическую структуру каждого из его предложений (границы между синтагмами отметим линиями, отражающими разные по длительности паузы).

*Пока я видеть / это небо буду, //
И в море плавать, / и топтать траву, //
Не перестану удивляться чуду – //
Случайной тайне той, / что я – / живу, //
Что я причастен к птицам, / пчёлам, / людям, //
И к облаку, / и к дереву в селе, //
И ко всему, / что было, / и что будет, //
Когда меня не станет на земле, //
Что я за век свой, / за своё мгновенье, //
За жизнь свою земную – / на лету //
Почувствовал и радость, / и сомненье, //
И зависть, / и восторг, / и доброту. ///
Не перестану удивляться счастью, //*

*Что есть живое имя у меня, //
Что я хожу, / дышу, / являюсь частью //
Воды и камня, / глины и огня, //
Что я – / песчинка, / капелька над пеной – //
Узнал законы, / выучил слова, //
По кругу плыл на мельнице Вселенной, //
Пока меня не стёрли жернова, //
Что вижу я звезду / и слышу ветер, //
Что шёл тропинкой между двух полей, //
Что я участник, / и ещё – / свидетель //
Всего, / что в жизни маленькой моей, //
Что в этом вихре, / в этом мирозданье, //
Где ни конец не ясен, / ни исток, //
Оставлю я горячее дыханье, //
Как муравей, / как птица, / как цветок.*

Синтагматическая структура первого предложения включает 26 синтагм, второго – 30. Показательно, что количество предложений и границы между ними в тексте можно изменять, что никак не повлияет на общее содержание текста. Но изменять границы между авторскими синтагмами нельзя, так как это приведёт к деформации содержания.

Синтагмы в этих предложениях, как и в любой речи, связаны между собой как единые, целостные структурно-смысловые блоки, формирующие его структуру и содержание. Не на отдельные слова, не на словосочетания и не на простые предикативные единицы интонационно и содержательно членятся автором (и читателем) сложные предложения, а на те синтагмы, из которых они были непосредственно составлены. Нарращение содержания в каждом их них происходит постепенно в результате добавления значения очередных синтагм.

Так что в связной устной речи предложения как речевые структуры и границы между ними не фиксируются сознанием ни субъекта речи, ни слушателей, чего не скажешь о синтагмах и их границах, так как именно на их основе осуществляется общение. Интонационно они разделяются паузами, что способствует их быстрому восприятию. Субъект речи представляет одну-единственную интерпретацию содержания. Необходимая синтагматика речи отражается в его интонации, которая выступает как основной способ интерпретации содержания. Благодаря ей слушатели адекватно понимают речь.

В письменном варианте читателю необходимо самостоятельно разобраться с каждым сложным предложением, в связи с чем ему нужен объективный и надёжный принцип действий. Такой принцип естествен: из каких минимальных (исходных) речевых единиц составлено сложное предложение, на те же единицы оно должно члениться при его восприятии. Читатель должен установить каждую авторскую синтагму, синтагматическую структуру речи в целом и заложенную в ней интонацию. Только в этом случае он сможет правильно понять передаваемое содержание – понять так, как его излагал автор.

Восприятие сложных предложений в рассматриваемом тексте ввиду прозрачности его синтагматической структуры не представляет особой трудности.

Поэтому обратимся к более сложному варианту: рассмотрим фрагмент стихотворения С. Есенина “Собаке Качалова”:

*Пожалуйста, голубчик, не лижись,
Пойми со мной хоть самое простое:
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.*

Все ли читатели понимают однозначно это предложение? Думаю, что нет. Слушая это стихотворение в исполнении разных чтецов, обращаешь внимание на то, как по-разному они его интерпретируют. Остановимся на двух вариантах. Первый обусловлен следующим синтагматическим членением:

*Пожалуйста, / голубчик, / не лижись, //
Пойми со мной / хоть самое простое: //
Ведь ты не знаешь, / что такое **жизнь**, //
Не знаешь ты, / что жить на свете **стоит**.*

Чтец воспринял сам и стремится передать другим мысль о том, что собаке неведомы тайны жизни, доступные человеку: дескать, жизнь – это великое счастье, ниспосланное свыше. Стоит жить, чтобы постичь это счастье. В полной мере его может осознать лишь человек, как высшее разумное существо. В последней строке (*Не знаешь ты, / что жить на свете **стоит***) *что* выступает в качестве изъяснительного союза. Содержание предложения составляется из последовательного наращения значений девяти синтагм.

Однако возможен иной вариант синтагматического членения этого предложения, при котором передаётся уже совсем иное содержание:

*Пожалуйста, / голубчик, / не лижись, //
Пойми со мной / хоть самое простое: //
Ведь ты не знаешь, / **что** такое / жизнь, //
Не знаешь ты, / **что** / **жить** на свете / **стоит**.*

При таком структурно-интонационном членении и восприятии становится понятно, почему человек разговаривает с собакой: он не нашёл собеседника среди людей. В первом варианте синтагматического членения передаётся превосходство человека над животным, в отличие от которого он знает, *что такое **жизнь*** (с логическим ударением на слове **жизнь**). Союзное слово *что*, воспринимаясь безударным на фоне произношения слова **жизнь**, приближается в этом отношении к безударному подчинительному союзу. Лирический герой уверен, *что жить на свете **стоит*** (одна синтагма), это счастье даже для тех, кто не понимает, *что такое **жизнь*** (тоже одна синтагма).

Во втором варианте передаётся содержание, согласно которому в более выигрышной ситуации оказывается собака, потому что она не понимает, *что такое / жизнь* (в данном случае логическое ударение, акцентирующее внимание на выражаемой мысли, уже на относительном местоимении **что**), насколько это жестокая, коварная, грязная, опасная и оскорбительная для человека вещь. Беззаботное животное, к своему счастью, этого не знает. Не подозревает оно и о том,

что́ (т.е. **чего**, каких усилий, какого нервного, психического и физического напряжения, унижения) **жить на свете стоит**.

В последней строке (*Не знаешь ты, / **что́** / **жить** на свете / **стоит**) **что́** уже не подчинительный союз, а относительное местоимение, образующее самостоятельную синтагму, содержание которой становится ключевым для всего речевого фрагмента. В сопоставлении с первым вариантом мысль не просто модифицируется – она становится диаметрально противоположной. Степень недосказанности представления о жизни у лирического героя уже значительно выше. Передаётся лишь эмоциональная реакция на её так и оставшуюся неназванной сущность. Лирический герой вроде бы никак её не оценивает: нет никаких вербальных оценочных средств, тем не менее благодаря коннотативной интонации и иному синтагматическому членению речи его оценка жизни (негативная) проявляется намного ярче. Утверждается мысль, что жизнь – далеко не счастье и совсем не радость для порядочного, мыслящего и чувствующего человека. Гораздо лучше, когда всего, что она содержит и несёт, не знаешь и не осознаёшь. Слабому, незащитному и несведущему животному не нужно этого знать.*

Во втором случае представляется весьма красноречивой сама ситуация искреннего общения пьяного человека с собакой. Его доброта по отношению к незащитным и преданным “братьям нашим меньшим” – это отношение человека, осознавшего трагическую сущность жизни, к тем, кто ещё слабее его.

Чтобы узнать, какой из содержательных вариантов имел в виду поэт, нужно было услышать его личное чтение, которое отразило бы авторскую синтагматику стихотворения. Содержание второго варианта предложения составляет уже не из девяти, а двенадцати синтагм.

Первые шесть синтагм в обоих вариантах одинаковы. Синтагматические различия начинаются после них. Вместо седьмой синтагмы появляются две (**что́** такое / жизнь) – с акцентированием содержания предиката. А вместо последней синтагмы (*что жить на свете **стоит**)* появились три самостоятельных: (*не знаешь ты) **что́** / **жить** на свете / **стоит***.

Думается, этих примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что структура и содержание сложного предложения формируются вовсе не из отдельных слов и не отдельных предикативных единиц, а из синтагм, как единых структурно-смысловых блоков с конкретным значением.

Факт составного характера содержания предложения указывает на то, что не оно является исходным компонентом порождения речи, не предложения формируют текст и его содержание. Такие компоненты должны быть речевыми (т.е. с ситуативным значением), минимальными и однозначными (представлять один фрагмент содержания). Двум последним требованиям среди всех речевых единиц соответствует только синтагма [9, 17]. Именно она является исходной речевой единицей построения речи.

Обычно синтагма представляет собой группу слов, связанных структурно, интонационно и по смыслу, используемую в качестве конкретного структурно-смыслового компонента при формировании и восприятии речи. Объединяя в себе

слова, она конкретизирует их значения, формирует их единое содержание и тем самым переводит их из системы языка в сферу речи. Она однозначна. Речь, построенная из однозначных единиц, при чётком их разграничении становится однозначной, благодаря чему достигается адекватное её понимание. Синтагма может состоять и из одного слова, если субъект речи полагает, что его достаточно, чтобы, сочетаясь с другими синтагмами, оно выполняло функцию самостоятельной синтагмы. Для речи это не редкость. Связь его с другими синтагмами, подтверждает его синтагматический статус.

Синтагмы появляются в сознании человека в результате естественной психоречевой реакции, как речевое отражение мира в его фрагментах. Эти фрагменты человек воспринимает комплексно, а не в отдельных их составляющих. Поэтому в процессе речевой деятельности в сознании человека спонтанно возникают комплексные лексические единства – синтагмы, как минимальные, однозначные единицы отражения конкретных фрагментов мира.

Как в сознании автоматически, непроизвольно возникают слова языка, являющиеся простыми или составными обобщёнными наименованиями понятий и реалий окружающего мира, точно так непроизвольно возникают в нём и синтагмы как единые речевые компоненты, отражающие соответствующие конкретные фрагменты ситуации. В отличие от слов языка синтагмы как речевые единицы характеризуются конкретностью не только структуры, но и содержания. В устном общении они соотносятся с конкретной речевой ситуацией. В письменной речи – со своим конкретным текстом.

Синтагма – главная речеорганизующая единица, она основа любой составной единицы речи. “Человеческий язык (точнее, речь – Е. Ф.) состоит в принципе лишь из одной типической структуры – синтагмы” [5, 129].

В синтагме имеется ключевое слово, вокруг которого остальные её слова объединяются внутрисинтагматической связью в структурно-смысловое единство с конкретным значением. Ключевые слова разных синтагм вступают между собой в межсинтагматические смысловые и синтаксические связи и отношения, объединяя синтагмы в единую связную речь [7, 177].

Выводы. Сложное предложение, как и простое, имеет синтагматическую основу. Каждая его предикативная единица формируется из синтагм и на их же основе воспринимается читателем, что способствует адекватному пониманию содержания. Содержание предложений и текста определяется совокупным содержанием всех входящих в них синтагм. Слова синтагмы принадлежат только ей. Ни одно из них не может входить в какую-либо другую синтагму. Этим она как реальная единица построения речи отличается от словосочетания, которое якобы является строительным материалом для предложений.

Для большинства текстов (научных, учебных, законодательных и др.), в которых весьма высока степень использования сложных предложений, важна точность их понимания, что возможно только при их адекватном синтагматическом членении.

Литература

1. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – 2-е изд. – М. : Высш. школа, 1978. – 440 с.
2. Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) : избранные труды : исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – С. 231–253.
3. Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка (краткий обзор теорий и задачи синтагматического изучения русского языка) : избранные труды : исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – С. 88–154.
4. Демьянков В. З. Продуцирование, или порождение речи [Электронный ресурс] / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; [под общ. ред. Е. С. Кубряковой]. – М. : Филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 129–134. – Режим доступа : <http://www.infoplex.ru/Cs12.html>–7р.
5. Микуш Ф. Письмо в редакцию / Ф. Микуш // ВЯ. – 1959. – № 5. – С. 127–132.
6. Родионова О. С. К вопросу о единицах членения текста / О. С. Родионова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2008. – № 1. – С. 81–84.
7. Филатова Е. В. Межсинтагматические связи в структуре предложения [Электронный ресурс] / Е. В. Филатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 2. – С. 177–181. – Режим доступа : <http://www.gramota.net/materials/2/2010/2/49.html>.
8. Филатова Е. В. Синтагма как основная единица порождения и восприятия речи / Е. В. Филатова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2010. – № 4. – С. 15–22.
9. Филатова Е. В. Функции синтагмы в структуре предложения и текста / Е. В. Филатова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2011. – № 2. – С. 17–26.
10. Филатова Е. В. Порождение, структурирование и восприятие речи и отношение к ним слова, словосочетания, синтагмы и предложения [Электронный ресурс] / Е. В. Филатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – С. 172–177. – Режим доступа : <http://www.gramota.net/materials/2/2011/2/51.html>.
11. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax / N. Chomsky. – Cambridge : M.I.T., 1965. – X. 251.
12. Chomsky N. Language and mind / N. Chomsky. – Enlarged ed-n. – N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1972. – XII. 194.

Анотація

У статті розглядається актуальне питання синтагматичної структури складного речення в порівнянні з текстом. Його адекватне синтагматичне членування дозволяє точно кваліфікувати структурно-сміслові компоненти речення і правильно зрозуміти його зміст.

Ключові слова: складне речення, синтагма, синтагматична структура, синтагматичне членування, одиниця породження і сприймання мовлення.

Аннотация

В статье рассматривается проблема синтагматической структуры сложного предложения в сопоставлении с текстом. Адекватное синтагматическое членение предложения позволяет точно квалифицировать его структурно-смысловые компоненты и правильно понять содержание.

Ключевые слова: сложное предложение, синтагма, синтагматическая структура, синтагматическое членение, единица порождения и восприятия речи.

Summary

The problem of the syntagmatic structure of complex and compound sentences comparing to the text is regarded in the article. The adequate syntagmatic division of the sentence allows us to qualify its structural and meaningful components exactly and understand the contents in the right way.

Keywords: complex / compound sentence, syntagma, syntagmatical structure, syntagmatical division, unit of speech creation and perception.

УДК 81'373/42

Глазова С. М.,
кандидат філологічних наук,
Бердянський державний
педагогічний університет

ЗАКОНОМІРНОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ПОЯСНЮВАЛЬНО-ОТОТОЖНЮВАЛЬНИХ КОНСТРУКЦІЙ ДИРЕКТИВНОГО ТИПУ У МОВЛЕННІ

Дослідження своєрідності багаторівневої організації пояснювально-ототожнювальних висловлень є підґрунтям для з'ясування характерних рис їх функціонування у мовленні. Функціональний аспект вивчення складних речень із пояснювальним компонентом змісту зумовлює введення до апарату дослідження поняття про мовленнєву ситуацію, урахування такої важливої її ознаки, як склад учасників (дихотомія “мовець-слухач”), їх фонових знань та стратегії мовця – того, що становить предмет прагмалінгвістики. Важливим у прагматичному аналізі є звернення до основних положень теорії мовленнєвих актів, вивчення особливостей функціонування висловлень із пояснювальним компонентом змісту у складі окремих контекстів як мовленнєвих дій.

Аналіз такого специфічного синтаксичного явища, яким є пояснення, в розрізі його актомовленнєвої, живої реалізації детермінований антропологізацією синтаксичної науки. “Звернення до поняття мовленнєвого акту як соціального феномена міжособистісної взаємодії, який реалізується за допомогою засобів мови, відкрило нові перспективи в соціологізації, ширше, гуманізації лінгвістики” [6, 12], – зазначає Г. Г. Почепцов. Неможливість цілісного розуміння будь-якого мовного явища без звернення до проблеми його реалізації в ситуації реального спілкування була доведена багатьма лінгвістами ХХ століття (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ш. Балі, Ф. С. Бацевич, А. Вежбицька, І. Р. Вихованець, М. В. Ляпон Дж. Серль та ін.).

Необхідність дослідження пояснювально-ототожнювальних конструкцій в аспекті їх функціонування зумовлене декількома чинниками, зокрема, відсутністю в українському мовознавстві праць, присвячених з'ясуванню прагматичного потенціалу пояснювальних висловлень. Разом із тим, детермінованість пояснювально-ототожнювальних конструкцій комунікативними чинниками, екстралінгвістичними факторами (конситуацією, контекстом, учасниками спілкування) є тими достатніми підставами, які визначають потребу більш глибокого вивчення досліджуваного явища саме у функціональному аспекті. Функціональний опис синтаксичних конструкцій здійснюється з використанням положень прагматики, або теорії мовленнєвих актів. Вивчення висловлень в аспекті їх актомовленнєвих властивостей, а також з'ясування співвідношення прагматичних і структурно-семантичних особливостей речень-висловлень увіходить до завдань прагматичного синтаксису як центральний складник. Із цього приводу слід зауважити, що одним із завдань, які ставить перед собою теорія